

Чи Хуэй с пренебрежением произнесла:

— Я, можно сказать, твоя старшая, разве подобает так разговаривать со старшими? Не стоит называть меня тетушкой, так что, может, назовешь меня сестрой?

Лань Цижэнь молчал.

Лань Цижэнь молчал.

Внезапно ее глаза снова загорелись, и она протянула левую руку к его плечу. Лань Цижэнь, отстраняясь, уже собирался уклониться, но услышал:

— Не двигайся, у тебя на плече нитка.

Сжавшись, он наблюдал, как она действительно сняла с его плеча нитку, показала ее перед его лицом и со смехом сказала:

— Я же не обманывала, правда?

Затем она разжала пальцы и легким дуновением отправила нитку в полет. Лань Цижэнь задержал дыхание, ощущая, как ее теплое дыхание касается его пылающего лица.

Атмосфера мгновенно стала странной. Лань Цижэнь оцепенел, мысли его путались, а в сердце будто что-то проросло, готовое пробиться наружу, слегка колотя в самое его сердце. Его разум на мгновение опустел, как будто в голове образовалась пустота.

В этот момент ученик внезапно доложил:

— Госпожа Чи, второй господин, глава семьи просит вас в Зал Изящества.

Лань Цижэнь, взволнованный, но словно облегченный, встал, поправил налобную ленту и, встряхнув рукава, сказал ученику:

— Возвращайся, я скоро приду.

Ученик поклонился и ушел.

Лицо все еще пылало. Лань Цижэнь взглянул на Чи Хуэй, хотел что-то сказать, но промолчал и ушел. Чи Хуэй последовала за ним, недоумевая, зачем Лань Цижэнь понадобилась она и что за дело требует их совместного присутствия.

Следуя за Лань Цижэнем, они дошли до Зала Изящества. Ученик открыл дверь, и они увидели, что за чайным столом сидят двое. Один из них был Лань Цижэнь, который что-то говорил своему собеседнику. Его улыбка была теплой, как солнечный свет в марте, хотя он всегда был

доброжелательным и улыбчивым человеком. «Брови — как горные вершины, глаза — как волны воды» — так можно было описать Лань Цичжи, особенно его глаза, в которых отражались звезды и текли чистые волны. Он и сам был невероятно красив, а сейчас его улыбка будто излучала свет, который переполнял его сердце. Он смотрел на собеседника с такой внимательностью, словно окутанный весенним теплом.

А его собеседник... Бай Цюсянь?

Обычные женщины, увидев такого красавца, как Лань Цичжи, давно бы потеряли дар речи, особенно при такой его улыбке и выражении лица. Бай Цюсянь же... в ее глазах не было ни страсти, ни холодности, ни застенчивости, ни того восхищения, которое обычно испытывали женщины при виде Лань Цичжи. Видно, она была человеком, повидавшим мир, спокойным и уверенным.

Увидев, что кто-то вошел, Бай Цюсянь сразу встала, взяла Чи Хуэй за руку и радостно сказала:

— Сестра, я пришла за тобой. Слышала, тебя наказали переписывать семейные правила в Зале Орхидей?

В ее глазах играла насмешка.

Чи Хуэй смущенно кашлянула, взглянув на Лань Цижэня:

— ...Сестра, ты права, в семье Лань все хорошо, только правил слишком много, гораздо больше, чем в горах. Стоит чуть ошибиться, и вот уже наказание. Хотя кто-то здесь постоянно твердит о правилах семьи Лань, сам же их нарушает.

Лань Цижэнь с сожалением посмотрел на Чи Хуэй, но промолчал.

Все трое рассмеялись. Лань Цижэнь хотел улыбнуться, но сдержался.

Оказалось, Бай Цюсянь вернулась с горы Цишань и, узнав, что Чи Хуэй все еще в семье Лань, пришла к ней. Самым радостным оказался Лань Цичжи, который специально велел ученику задержать сообщение, чтобы Чи Хуэй пришла, когда они уже успели поговорить. Раз уж Чи Хуэй пришла, Бай Цюсянь перешла к делу.

После расставания с Чи Хуэй в бамбуковой роще Бай Цюсянь последовала за подсказками к горе Муси, что рядом с Цишанью. Ее меч был подарен даосским наставником Яньлином и зачарован, чтобы в радиусе пяти ли ощущать связь с его мечом «Цзицан». Следуя указаниям меча, она нашла пещеру, спустилась по лианам вниз. Пещера была очень глубокой, около десяти чжанов, и на дне была абсолютная тьма. Она зажгла светящийся талисман и пошла вперед, пока не увидела водоем с каменным островом посередине. Только она сделала несколько шагов к острову, как с потолка что-то упало. Она уклонилась, и меч в ножнах воткнулся прямо в землю. Бай Цюсянь подняла его и увидела, что это был меч ее учителя, даосского наставника Яньлина — Цзицан!

Сказав это, Бай Цюсянь подняла меч двумя руками и протянула его Чи Хуэй:

— Сестра, посмотри, помнишь меч учителя?

Чи Хуэй взяла меч обеими руками. Когда ее старший брат ушел с горы, она была еще ребенком, и она не совсем помнила, как выглядел меч. Она вытащила меч из ножен, и на лезвии были выгравированы иероглифы «Цзицан». Холодный свет играл на поверхности. Это имя она запомнила хорошо, потому что, когда старший брат давал мечу имя, учитель глубоко вздохнул.

Чи Хуэй провела рукой по лезвию, словно снова прикоснулась к теплой руке старшего брата. Он подобрал ее в горах и вырастил, он был для нее как старший брат и отец. Когда он уходил с горы, она плакала и хотела пойти с ним, но он наклонился, чтобы вытереть ее слезы, и сказал, что она еще маленькая, и что она не сможет вернуться, пока не вырастет и сама не сделает выбор.

Неожиданно она выбрала тот же путь, что и он.

Капля слезы упала на меч. Бай Цюсянь тихо спросила:

— Сестра?

Чи Хуэй вытерла глаза и вложила меч обратно в ножны.

Лань Цичжи сказал:

— Могу ли я взглянуть?

Чи Хуэй передала меч Лань Цичжи. Он взял его двумя руками, попытался вытащить, но его лицо изменилось, потому что, как бы он ни старался, меч не поддавался.

Все четверо удивились. Лань Цичжи позвал Лань Цижэня, но и тот не смог вытащить меч. Однако в руках Бай Цюсянь и Чи Хуэй меч легко поддавался.

— Может быть, он запечатан? — Лань Цичжи встал и серьезно сказал:

— Возможно, даосский наставник уже погиб. Госпожа Бай, вы говорите, меч упал сам?

Бай Цюсянь кивнула.

Лань Цичжи продолжил:

— Вероятно, даосский наставник в критический момент использовал свою духовную силу,

чтобы спрятать меч. Когда вы прошли рядом, он почувствовал схожую духовную силу и упал. А госпожа Бай, госпожа Чи и даосский наставник — одной школы, поэтому госпожа Чи тоже смогла вытащить меч.

Чи Хуэй крепко сжала меч. Неужели ее старший брат действительно погиб?

Бай Цюсянь оставалась спокойной:

— Слышала, что в семье Лань есть уникальное искусство — Вопрошение к духам. Раз меч обладает духом, господин Лань, не могли бы вы спросить его?

Лань Цичжи ответил:

— К сожалению, Вопрошение к духам — очень сложное искусство, я еще молод и недостаточно опытен, освоил лишь несколько простых вопросов. Мой дядя, Лань Суннянь, самый искусный в этом, но он сейчас в отъезде.

Бай Цюсянь сказала:

— Ничего, нескольких вопросов достаточно.

Лань Цичжи достал цинь, прошептал заклинание и сыграл несколько нот. Бай Цюсянь попросила:

— Господин Лань, спросите, кто его хозяин.

Лань Цичжи сыграл несколько нот, и цинь отозвался. Лань Цичжи объяснил:

— Он говорит, что это даосский наставник Яньлин.

Бай Цюсянь продолжила:

— Спросите, кто его убил.

Лань Цичжи ответил:

— Он говорит, что это клан Вэнь.

Бай Цюсянь воскликнула:

— Это точно клан Вэнь! Когда я вышла из пещеры, ко мне подошли несколько человек из клана Вэнь. Я была одна и не стала задерживаться, взяла меч и ушла, они не стали преследовать. Господин Лань, не могли бы вы спросить, жив ли мой учитель?

Лань Цичжи снова сыграл несколько нот и объяснил:

— Он говорит, что его захватили живым.

Чтобы она поняла, он добавил:

— Это значит, что даосский наставник был взят живым.

Глаза Бай Цюсянь и Чи Хуэй загорелись. Раз он жив, значит, есть надежда. Чи Хуэй схватила свой меч и встала:

— Сестра, подожди, я соберусь, и мы сразу отправимся на Цишань искать старшего брата.

Лань Цичжи сказал:

— Госпожа, не спешите, я улажу дела в Облачных Глубинах и возьму с собой несколько человек.

Лань Цижэнь поспешно добавил:

— Старший брат, я тоже пойду.

Лань Цичжи ответил:

— Цижэнь, дядя еще не вернулся, ученики из разных семей все еще учатся в семье Лань. Остайся здесь.

Лань Цижэнь хотел что-то сказать, но Чи Хуэй со смехом добавила:

— Маленький Цижэнь, если тебя не будет, кто будет следить, чтобы ученики не нарушали правила семьи Лань? Без тебя они точно перевернут Облачные Глубины. Кстати, ты уже переписал десять раз семейные правила?

<http://bllate.org/book/15280/1348923>